

УДК 34.344.65

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/66>

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

©*Сыдыкова З. Д.*, ORCID: 0000-0003-4020-6444, канд. юрид. наук,
Киргизский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, ms.duyshobekova@mail.ru

THE APPLICATION EFFECTIVENESS OF LEGAL NORMS OF THE KYRGYZ REPUBLIC CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

©*Sydykova Z.*, ORCID: 0000-0003-4020-6444, J.D., Kyrgyz National University named after
Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, ms.duyshobekova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения уголовно–процессуальных норм, появления новых институтов в уголовно–процессуальном кодексе Киргизской Республики. Объектом исследования являются анализ норм нового УПК КР, обеспечивающих функционирование уголовно–процессуальных норм и попытка определения принципов их взаимодействия. Предметом исследования выступают определения понятия, видов и особенностей закрепления и реализации новых институтов уголовно–процессуального кодекса Киргизской Республики. Предметная направленность определяется выделением и изучением в рамках заявленной темы конституционно–правовых норм, содержащихся в УПК КР и уголовно–процессуальном законодательстве. Поставленные задачи в исследовании определили необходимость комплексного использования научных методов познания и сравнительно–правовой метод, позволяющий наиболее полно раскрыть исследуемые вопросы. Для рассмотрения особенностей, определения, терминов использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования с применением логических приемов. Исследование применения эффективности норм уголовно–процессуального законодательства всегда вызывало интерес ученых–юристов, так как оно позволяет оценить действующее законодательство и практику его применения в комплексе правовых и других аспектов.

Abstract. The article examines the application of criminal procedure, the emergence of new institutions in the Kyrgyz Republic Code of Criminal Procedure. The object of the research is the analysis of the norms of the new Kyrgyz Republic Code of Criminal Procedure, ensuring the functioning of criminal procedure norms, and an attempt to determine the principles of their interaction. The subject of the research is the definition of the concept, types and features of the consolidation and implementation of new institutions of the criminal procedure code of the Kyrgyz Republic. Subject orientation is determined by the selection and study in the framework of the constitutional legal norms stated theme contained in the Kyrgyz Republic Code of Criminal Procedure and criminal procedural legislation. The objectives of the study identified the need for an integrated use of knowledge scientific methods and the comparative legal method that allows you to disclose the issues under study fully. For consideration of features, definitions, the terms used general scientific and private scientific methods of research using logical techniques. The study of the effectiveness application of the criminal procedure legislation rules has always aroused the interest of legal scholars since it allows to evaluate the current legislation and the practice of its application in a complex of legal and other aspects.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, эффективность, уголовно-процессуальное законодательство, процессуальные соглашения, депонирование показаний, досудебное производство, правонарушения.

Keywords: criminal proceedings, efficiency, criminal procedure legislation, procedural agreements, deposition of testimony, pre-trial proceedings, offenses.

Известно, что эффективность применения норм уголовно-процессуального законодательства в конечном счете, определяется достижением целей и выполнением задач уголовного судопроизводства в каждом случае по конкретному уголовному делу [1].

Само по себе понятие «эффективности», как бы незримо присутствуя в каждой норме, в каждом принципе уголовно-процессуальной отрасли права в частности, в Уголовно-процессуальном кодексе КР прямо не отражено.

Вместе с тем в ст. 6 УПК КР, изложены задачи уголовного судопроизводства, что в международных документах, что по существу являются отражением стремлений национального законодателя к быстрому и справедливому рассмотрению уголовных дел.

Противоречий в этой части между национальным правом и международным законодательством нет. Более того, при ближайшем рассмотрении мы находим в действующем законодательстве целый ряд не прямых указаний на необходимость достижения эффективности в уголовном судопроизводстве [2, с. 201].

Повышение эффективности уголовно-процессуального закона в условиях судебно-правовой реформы находит свое отражение как в обновлении уже существующих процессуальных институтов [3], так и в создании новых и введении их в УПК КР.

С принятием нового УПК КР уголовное судопроизводство в соответствии с международно-правовыми стандартами претерпело значительные изменения в сторону к более состязательной модели уголовного судопроизводства, снижена репрессивность уголовного процесса. Усилены и модернизированы механизмы уголовно - правовой защиты личности, общества и государства.

Введены новые институты, появились новые субъекты и институты: следственный судья, медиатор, досудебное производство, депонирование показаний, процессуальные соглашения, специальные следственные действия и т. д.

По новому УК КР уголовные правонарушения классифицируются на преступления и уголовные проступки в зависимости от степени причиненного вреда.

Решение и рассмотрение дел данной категории производится в течение трех суток короткие сроки (утверждение обвинительного акта, совершившего уголовный проступок, после ознакомления с ним подозреваемого, уголовное дело незамедлительно направляется прокурору, который принимает процессуальное решение о направлении дела в суд или прекращения производства по делу при наличии оснований, указанных в статье 26 УПК КР, а дела о проступке подлежат рассмотрению по существу в срок не позднее 15 дней со дня начала рассмотрения дела в суде).

Появилась реальная возможность выделить из УК КР такие деяния, которые по степени наносимого вреда вряд ли следует рассматривать как преступление. Конечно, эти деяния требуют своего изучения для правильного применения в судебной практике.

Так, в Кодексе о проступках внесен новый вид деяния, как кража в незначительном размере (ст. 90), присвоение или растрата чужого имущества в незначительном размере (ст. 91), мошенничество незначительном размере (ст. 92), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в незначительном размере (ст. 93),

уничтожение или повреждение чужого имущества с причинением вреда в незначительном размере (ст. 94) и т. д. Эти деяния влекут наказания в виде штрафа II категории.

Обращение к новеллам уголовного судопроизводства показало, что кардинальному реформированию подверглась досудебная стадия уголовного процесса.

Исключены стадии возбуждения уголовного дела. Согласно новому УПК досудебное производство начинается уже с момента регистрации заявления (сообщения) в Едином реестре преступлений и проступков (далее — ЕРПП).

Наиболее важной новеллой нового УПК КР являются специальные следственные действия, которые по своей сути являются оперативно-розыскными мероприятиями. Смысл этого нововведения заключается в том, что и следственная деятельность, основанная на УПК, и оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая в соответствии с законом об ОРД в рамках расследуемого уголовного дела направлены на решение общей задачи уголовно-процессуального закона — быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших (п. 3.4 ст. 6 УПК).

В новой УПК КР институт понятых упразднен. Упразднение института понятых, прежде всего связана с практическими проблемами привлечения граждан в качестве понятых, что вызывает недовольство всех сторон уголовного процесса — защиты, и самого обвинения. Требование закона в любое время дня и ночи и в любой местности найти совершеннолетних, и не менее двух не заинтересованных граждан, которые согласятся выступить в роли понятых, для сотрудников правоохранительных органов была серьезная проблема.

Институт понятых был актуальным, когда в следственных органах было недостаточно технических средств фиксации [4, с. 78–82].

В современных условиях видео- и звукозапись позволяет объективно и полно зафиксировать процесс следственного действия, а также исключить манипуляции с доказательствами.

В новом УПК КР довольно полно регламентированы условия, порядок и последствия заключения процессуального соглашения.

Потребностями правоприменительной практики отвечает дополнение системы мер процессуального принуждения такой меры, как запрет на приближение. Сущность данной меры принуждения заключается в ограничении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, разыскиваемого преследовать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться иными способами с потерпевшим и другими лицами, участвующими в деле, в целях их защиты.

Введением процессуальной фигуры следственного судьи существенно расширен судебный контроль над досудебным производством.

Как отмечает К. М. Сманалиев, в п. 3 ст. 93 Конституции Киргизской Республики указано, что судебная система Киргизской Республики состоит из Верховного суда и местных судов. В составе Верховного суда действует Конституционная палата. Введение нового института не предполагает наличия в данной норме следственного судьи, но, ч. 1 настоящей статьи определяет, что правосудие в Киргизской Республике осуществляется только судом. Вместе с тем, в Конституции Киргизской Республики прослеживаются нормы, относящиеся к функции суда – осуществление судебного контроля (п. 4 ст. 24; п. 2 ст. 29; п. 2 ст. 30).

Исходя из данных норм, считаем, что на местные суды не может быть возложено выполнение одновременно двух функций: осуществление правосудия, и судебного контроля. Именно, поэтому считаем верной позицию разработчиков проекта Уголовно-

процессуального кодекса Киргизской Республики о создании нового института — следственный судья [5, с. 100–103].

Следственным судьям передано право применять меры, ограничивающие права и свободы подозреваемого, обвиняемого, осуществлять судебный контроль за законностью процессуальных действий и решений уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора и санкционирования следственных и специально следственных действий.

При этом законодателем справедливо сохранена практика направления органом следствия прокурору для изучения законности и обоснованности производства следственного действия, а также обязательное участие прокурора при поддержании ходатайств в суде.

Ежегодно количество потерпевших и свидетелей, которые получают различного рода угрозы растет. Итог такой негативной статистики вполне очевиден: при наличии сомнений в эффективности действий со стороны правоохранительных органов в обеспечении безопасности отсутствует и должный контакт с лицами, обладающими ценной доказательственной информацией, что в результате не позволяет добиться назначения уголовного судопроизводства [6, с. 93].

Наличие подобных ситуаций, естественно, ставит под угрозу эффективность государственной защиты и ориентирует правоохранителей на выявление пробелов, препятствующих обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства в различных проявлениях.

Особую актуальность данный вопрос приобретает при расследовании преступлений экстремистского и террористического характера, поскольку именно по данной категории преступлений очень часты ситуации, требующие принятия мер безопасности к лицам, вовлеченным в сферу уголовно-правовых отношений.

Анализ нормативного правового материала, регулирующего институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства, позволил выделить следующие отдельные проблемы данного института.

Сегодня в этой сфере общественных отношений существует достаточное количество коллизионных, пробельных норм, а также антиномии.

Введение в новой УПК КР депонирование показаний потерпевшего, свидетеля мы считаем своевременным.

Депонирование показаний — проведение в ходе досудебного производства следственным судьей допроса свидетеля или потерпевшего по ходатайству с одной из сторон с целью заблаговременного обеспечения (сохранения) судебных доказательств при наличии оснований, в силу объективных причин в последствии допросить их в ходе судебного разбирательства станет невозможным либо необходимости обеспечения безопасности свидетеля и потерпевшего (п. 7 ст. 5 УПК КР).

Итак, депонирование доказательств в УПК КР допускается применительно к двум видам источников доказательств — показаниям потерпевшего и свидетеля. Депонирование показаний следственным судьей возможно лишь в стадии досудебного производства: от начала досудебного производства и до передачи дела в суд с обвинительным актом.

Как показывает практика, зачастую ключевые свидетели, потерпевшие по делу по разнообразным уважительным причинам не могут явиться в судебное заседание или по неуважительным причинам уклоняются от явки, вследствие чего нарушаются процессуальные сроки рассмотрения уголовных дел.

Отметим, что после введения новых институтов в УПК, заметно улучшилось эффективность применения норм уголовного-процессуального законодательства, усиленно

защита прав и законных интересов личности, проведено более четкое разграничение процессуальной функций и существенно расширены границы состязательного процесса не только в судебном, но и в досудебном производстве.

Основная идея нового УПК КР состоит в трансформировании отправления правосудия в сфере уголовного судопроизводства в соответствии с нормами Конституции КР и международными стандартами в области прав человека.

По этому поводу С. С. Скворцов, ссылаясь на нормы международного права, отмечает их нацеленность на достижение такого качества как эффективность, то есть справедливого и быстрого, не в ущерб законности и обоснованности, рассмотрения уголовных дел, прямо не используя этот термин применительно к правосудию в целом [2, с. 201].

По Конституции КР именно международно-правовые нормы, являясь составной частью правовой системы, являясь приматом над национальным правом.

Таким образом, законодатель, признавая верховенство международных норм, подчеркнул приверженность нашего государства принципам демократии, уважения общепризнанных прав и свобод, общечеловеческим, вечным и незыблемым ценностям. Без этого нельзя считать, что государство стремится стать правовым, что посредством процессуального механизма реально воплощаются в жизнь права как граждан-потерпевших, так и их обидчиков, граждан-преступников.

При этом всякое лицо и совершившее преступное деяние, и потерпевшее от него вправе рассчитывать на суд быстрый и справедливый. Только такое правосудие эффективно.

Однако редко, но бывает в практике уголовного правосудия так, что одним из факторов, препятствующих достижению указанных благих целей, является отступление участников уголовного судопроизводства от требований норм уголовно-процессуального права, то есть совершение гражданских процессуальных правонарушений в уголовном судопроизводстве [2, с. 201].

Обеспеченность нормы процессуального права альтернативными мерами воздействия и одновременно несколькими видами ответственности, по нормам иной отраслевой принадлежности, не может свидетельствовать о том, что лицом совершены одномоментно сразу два или несколько процессуальных правонарушений. В таком случае, по-видимому, имеет место нарушение норм различных областей права, например, трудового и процессуального (опоздание прокурора к началу судебного заседания, неявка защитника без уважительных причин по вызову суда в судебное заседание и пр.)

Нельзя утверждать, что юридически осуждаемое поведение, вступившее в конфликт с нормами иных отраслей права, с процессуальной стороны выглядит непогрешимо. Но уголовная ответственность за процессуальное правонарушение, в силу большей репрессивной направленности, может поглотить менее суровые меры процессуальной ответственности.

Такое может произойти в случае представления в суд заведомо ложных документов в качестве доказательств. Последние не только будут признаны недопустимыми, но и лицо может понести ответственность по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса как за подлог, либо иное преступление.

Поэтому приходится констатировать, что взаимодействие различных норм об ответственности за процессуальное правонарушение происходит при соблюдении принципов уголовного процесса.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что нормы уголовно-процессуального права защищены не только с помощью мер обеспечения уголовного судопроизводства и ответственности, но и путем обращения к санкциям иной отраслевой принадлежности —

уголовным, административным, гражданским и трудовым, в том числе корпоративным. В комплексе эти нормы достаточно подробно регламентируют возможность наступления неблагоприятных последствий за процессуальные нарушения в уголовном судопроизводстве и стимулируют его ход надлежащим образом.

Однако эффективность судебного производства по уголовным делам во многом зависит не от юридической техники этих норм и мудрости законодателя, а от готовности правоприменителя умело воспользоваться предоставленным ему правовым механизмом.

Список литературы:

1. Кудрявцев В. Н. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. М., 1975. 298 с.
2. Скворцов Д. Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. №1. С. 200-208.
3. Богатский Д. В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 25 с.
4. Кулбаев А. К. Уголовно-процессуальный Кодекс Кыргызской Республики 2017 года: новеллы. Бишкек, 2018. 183 с.
5. Сманалиев К. М. Место следственного судьи в судебной системе Кыргызской Республики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №11-2. С. 100-103.
6. Ушаков А. Ю. Количенко А. А. Об эффективности государственной защиты участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений экстремистского и террористического характера // Вестник ПГППУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. №1. С. 92-98.

References:

1. Kudryavtsev, V. N. (1975). The effectiveness of justice and the problem of eliminating judicial errors. Moscow, 298. (in Russian).
2. Skvortsov, D. D. (2007). The effectiveness of criminal justice and remedies for criminal procedure rules. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series Right*, (1), 200-208. (in Russian).
3. Bogatsky, D. V. (2007). Optimization of the norms of criminal procedure legislation of the Russian Federation as a means of increasing the effectiveness of law enforcement: author's abstract J.D. diss. Vladimir, 25. (in Russian).
4. Kulbaev, A. K. (2018). *Ugolovno-protsessual'nyi Kodeks Kyrgyzskoi Respubliki 2017 goda: novelty*. Bishkek, 183.
5. Smanaliev, K. M. (2016). Place the investigating judge in the judicial system of the Kyrgyz Republic. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, (11-2), 100-103. (in Russian).
6. Ushakov, A. Yu. (2018). The effectiveness of the state protection of participants of criminal proceedings in the investigation of crimes of extremist and terrorist nature. *Bulletin PGSPU. Series number 3. Humanities and social sciences*, (1), 92-98. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 18.04.2019 г.*

*Принята к публикации
22.04.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Сыдыкова З. Д. Эффективность применения норм уголовно-процессуального Кодекса Киргизской Республики // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №5. С. 449-455. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/66>.

Cite as (APA):

Sydykova, Z. (2019). The Application Effectiveness of Legal Norms of the Kyrgyz Republic Code of Criminal Procedure. *Bulletin of Science and Practice*, 5(5), 449-455. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/42/66>. (in Russian).